

«Пара слов» о падежах, или Проблема перевода на болгарский язык одного грамматического каламбура

Раевская Мария Александровна

аспирант

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ramar@front.ru

Стихи В. С. Высоцкого часто переводились на болгарский язык. На фоне довольно высокого качества большинства переводов отчетливее видны их небольшие недостатки. В данном докладе мы хотели бы указать на один случай, когда, как нам кажется, болгарский переводчик Высоцкого не заметил в тексте оригинала каламбур. А между тем «пересоздание» его на переводящем языке позволило бы приложить дополнительное творческое усилие, потому что речь идет о явлении, непривычном для болгарской морфологии.

В песне Высоцкого «О моем старшине» есть такие слова:

И только раз, когда я встал
Во весь свой рост, он мне сказал:
«Ложись!.. – и дальше пару слов без падежей...»

Насколько нам известно, она еще не переведена на болгарский. Но представим себе, что какой-нибудь переводчик занялся бы текстом этой песни. Наверняка его затруднила бы фраза насчет «пары слов без падежей». Дело в том, что, как пишут лингвисты Н. Котова и М. Янакиев, «о падежах имен в нынешней б[ол]г[арской] литературной речи говорить не следует, -- разумеется, если не считать падежом «звательную форму»». В болгарском языке есть понятие «падеж», есть глагол «скланям» («склонять»), но они не входят в его «понятийно-терминологическую структуру» (см. диссертацию Н.Д. Димитровой). Такой, как у нас, шестичленной парадигмы существительного, в болгарском языке нет.

Но переводчик недолго ломал бы голову над тем, как передать этот запечатленный в поэзии нюанс русского грамматики. Он догадался бы, что «падежи» здесь употреблены в образном смысле, в значении «экивоки», «интеллигентские штучки». «Слова без падежей» -- это просто грубые, нецензурные выражения. И неизвестный переводчик легко заменил бы грамматический термин описательным оборотом, чем-нибудь, вроде: ««Ложись!» -- закричал старшина и крепко выругался».

Жаль, что переводчик Р. Калоферов не прибег к такому же приему при работе над песней «Чужая колея». Ее герой, как мы помним, вместе со своим автомобилем завяз в дорожной колее:

Я клянупроложивших ее, --
Скоро лопнет терпенье мое,
И склоняю, как школьник плохой,
Колею – в колее, с колеей...

В болгарском переводе получилось так:

Кой прокара го? – питам се сам.
И как още издържам – не знам.
Като слаб ученик след това:
«Коловоз, в коловоза...» -- мълвя.

Формально все правильно. Болгарский герой действительно занимается тем же, чем и русский: он изменяет слово «колея». Его болгарский эквивалент «коловоз» -- мужского рода, а слова мужского рода могут в этом языке иметь три формы. Одна из них -- общая (коловоз), вторая -- полная определенная форма, в нее ставятся подлежащие (**коловозът**), третья -- краткая определенная форма, которую принимают второстепенные члены предложения (**коловоза**). В болгарском языке существует категория определенности/неопределенности существительных (как в английском, французском). Но, в отличие от этих языков, в болгарском артикль (он называется определительным членом или членной морфемой) пишется и произносится в конце имени существительного и слитно с ним.

Но переводчик мог бы задуматься: а все же зачем герой Высоцкого занимается, «как школьник плохой», такими примитивными умственными экзерсисами? Неужели он не может придумать себе более интеллектуальное развлечение?

В русском языке у выражения «склонять по всем падежам» есть не очень распространенное жаргонное значение – «ругать на разные лады». Можно предположить, что герой, «склоняя» колею, просто ругает ее. Р. Калоферов мог бы заменить описание грамматических упражнений героя на слова (к примеру) «и я ругаю колею, поношу ее, как только могу».

Но Р. Калоферов мог бы прийти и к выводу, к которому пришли мы. Склонение слова «колея» -- это символ обреченного хождения по кругу, по замкнутой парадигме из шести падежей и пяти словоформ (у «колеи» формы дательного и предложного падежа совпадают). Мозг героя выполняет ту же бесплодную работу, что и колеса его машины, утонувшие в грязи, – движется впустую, не находя опоры и выхода.

Осознав это, Р. Калоферов мог бы заменить указание на конкретное действие – склонение – абстрактным описанием (например, «и колеса мои буксуют, и мозг мой работает без пользы»). Или заменить склонение спряжением какого-нибудь глагола, скажем, «застрять» – это тоже мыслительная операция с ограниченным набором возможных вариантов...

Мы не беремся давать конкретные советы. В конце концов, как поется в той же песне, найти дорогу можно, только следуя «своей колеей». Но если переводчик, двигаясь по тексту Высоцкого, видит, что поэт выкопал для него такую глубокую колею, как этот пример со склонением – отпечаток русской грамматики и русского мышления, -- нужно непременно найти способ ее объехать. Иначе в ней можно завязнуть и буксовать под недоуменным взглядом читателя.

Научные руководители: Новиков Владимир Иванович, д.ф.н., профессор кафедры литературно-художественной критики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; Вера Николаевна Гливинская, к.ф. н., доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова

Литература

1. Димитрова Н. Д. Русские грамматические термины в болгарской культурной традиции; Дис... канд. фил. наук -- М., 2002.
2. Высоцкий В. Завръщане. – София, 1990.
3. Высоцкий В. С. Сочинения: В 2-х т. – Изд. 13-е, стереотип./ Сост. А. Крылов. – Т. 1. – 527 с. – М., 2001
4. Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. – М., 2001.